

ГРАЖДАНСКИЙ АКТИВИЗМ, ИНСТИТУТ ПОСРЕДНИЧЕСТВА И ЭКСПЕРТИЗЫ В НАУЧНОЙ СРЕДЕ

Костина Алина Олеговна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: akostina@mail.ru

Гражданский активизм в рамках науки является необходимой частью поддержания автономии науки. При этом положение научных организаций и университетов часто оказывается зависимым от государственного и частного администрирования и финансирования. Наука оказывается между перспективами развития по бюрократическому или же корпоративному пути, с угрозой для основных академических свобод. Постановка вопросов профессиональной экспертизы и посредничества между наукой и государством, наукой и экономикой, а также анализ всей сложности взаимодействия становится принципиальной для определения границ и укрепления автономии науки.

Ключевые слова: гражданский активизм, экспертиза, научная среда, институт посредничества

CIVIL ACTIVISM, MEDIATION AND EXPERTISE IN SCIENTIFIC ENVIRONMENT

Alina O. Kostina – PhD in Philosophy, junior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: akostina@mail.ru

Civil activism in the field of science is one of the most crucial issues and the key factor of autonomy of science. Herewith, the position of universities and other scientific institutions is vulnerable and hinges upon state and private financing. Science finds itself between two unattractive and doubtful prospects of developing in either bureaucratic or corporate (in the business sense) way, which leads to the abridgement of basic academic freedoms. Setting the problem of professional expertise and mediation is highly important for the definition of borders and consolidation of the position of science.

Keywords: civil activism, expertise, scientific environment, mediation practice

Проблема гражданского активизма исторически наиболее ярко проявляется на стыке взаимодействия государства, бизнеса и непосредственно общественных интересов. При этом, когда речь идет о научных организациях: университетах, академиях, исследовательских институтах, они всегда находились и продолжают находиться в довольно неоднозначном положении. «Академическая свобода» как одно из основных корпоративных прав классических университетов подвергается сегодня испытанию и пересмотру. Вновь одним из главных вопросов становится проблема автономии науки. Она, с одной стороны, является необходимым условием развития науки и воплощения научных и исследовательских принципов. С другой стороны, неоспоримым фактом является то, что воплощение этих идеалов в рамках данных институций

предполагает необходимость развития науки, исследований, поддержки ученых. Следовательно, одним из самых практически значимых факторов становится администрирование и финансирование. В различных вариациях его источниками может быть государство (что сразу возвращает нас к вопросу гражданского активизма – бюджет формируется за счет средств налогоплательщиков), либо бизнес-организации, благотворители и меценаты (в случае ряда западных университетов зачастую речь идет о бывших выпускниках).

Одним из предметов серьезного обсуждения последнего времени стало сравнение университета с бизнес-корпорацией [Engwall, 2008]. Первоначальный смысл корпоративности связан с университетами, которые с момента их основания и на протяжении столетий последовательно воплощали в жизнь корпоративные идеалы академической свободы, права самоуправления и выбора профессорского состава. Сегодня корпоративные принципы распознаются скорее в контексте бизнеса и не совпадают с университетскими. Опасения вызывает попытка навязать университетам цели корпораций: в конечном итоге для последних это получение прибыли и увеличение рыночной стоимости компании. В то время как университеты ориентированы на распространение знания и его производство. Не стоит забывать и о репутации. Но если для корпоративных структур ценность репутации во многом является функциональным средством достижения целей, то для университетов репутация, предполагающая стоящую за ней последовательную, динамичную качественную работу в области обучения и научных исследований, является одной из главных целей сама по себе.

Активно внедряемые принципы делового администрирования в жизнь научных организаций ориентированы на определенное, но не соответствующее научному этосу представление об эффективности, подрывает принцип автономии науки («коммуникативную автономию науки»).

Описанное сравнение университетов и бизнес-корпораций и связанные с этим стратегии финансирования и администрирования – одно из возможных направлений развития научных структур. В предложенной статье проблема администрирования также обозначается как одна из краеугольных. Однако в силу того, что исторически развитие российских (а прежде советских) университетов и других научных организаций тесно связано с государственным финансированием (как и в большинстве европейских университетов), нежели с частным (как в американских научных структурах), то и проблема внешнего и внутреннего администрирования связывается с тем, что научные учреждения взаимодействуют с государственными структурами, а значит, испытывают характерные для такого типа взаимодействия сложности, в первую очередь избыточной бюрократизации процессов.

Адекватный гражданский активизм всегда указывает на факт того, что кто-то из участников общественных отношений действует против общественных интересов или, как обозначено в статье, «фиксирует структурные дисфункции коммуникативных макро-систем», выступая в роли «наблюдателя-морализатора», требующего справедливого распределения ресурсов и власти.

В различных условиях институт экспертизы был внедрен для произведения профессиональной и квалифицированной оценки. Так, Карл Мангейм в книге 1935 г. «Человек и общество в годы реконструкции» [Mannheim, 1935] писал о важности роли экспертизы в новой общественной модели. Эксперты в ней действуют под управлением общественности, ее выборных представителей. Профессиональная экспертиза стала достаточно проблематичным полем с течением времени и прошла путь от роли эксперта как авторитетной фигуры в принятии того или иного решения до уничтожения института экспертизы как несостоятельного и не дающего, по ряду причин, адекватной оценки предмета экспертизы. Исторически можно проследить сначала подъем, а затем упадок роли экспертизы в связи с развитием теории систем и кибернетики, когда фигура эксперта как и институт экспертизы в целом был сильно технологизирован и в работе не учитывал важные социо-гуманитарные факторы. Другой причиной была недопустимая по определению, но являющейся частью реальной практики ангажированность экспертов.

«Общество научных работников» (далее ОНР) как сообщество профессионалов науки осознает и декларирует необходимость возвращения института экспертизы в качестве эффективного механизма контроля. Более того, в декларации задач протестного движения прописано руководство рядом фундаментальных медиа-кодов, что, наряду с установленным характером движения, может стать дополнительной гарантией беспристрастности.

ОНР позиционирует себя как организационно-неоформленный тип общественного движения, у которого нет устава, правил членства в определенной организации, санкций против его участников и допустимость свободы позиций от примирительной до радикальной.

С одной стороны, такие представления воплощают завет Дэвида Харви, критиковавшего практику создания сообществ за их неизбежную реификацию в окостенелую форму, не способную отвечать изначально поставленным задачам. Более того, такой распределенный тип организации, не имеющей центра (который со временем может стать уязвимым и неэффективным в силу концентрации власти), в действительности более устойчив.

В то же самое время декларация причин создания организации происходит в терминах серьезных «моральных медиа-кодов», таких как, например, справедливости и отчуждения. Здесь есть пробле-

матичный момент: работа с данными кодами предполагает рассмотрение вопросов с многосторонней ответственностью, где другие стороны – организации, деятельность которых подчиняется правилам и принципам, начиная от вопросов внутренней организации до сложных правовых отношений. Любым взаимодействующим сторонам процесса нужны гарантии. Может ли такая форма организации, как движение, отвечать на вопросы не только тактического порядка, связанные с устранением «искривления» нормы, но формой, которой можно доверять стратегические задачи? Каким образом структурно оформленным сторонам общаться, а тем более взаимодействовать как с посредником со структурно не оформленным движением? Высказываемое желание быть посредником между наукой и властью, наукой и хозяйством должно быть подкреплено способностью говорить на языке другой стороны, а в данном случае двух сторон.

В связи с обозначенными функциями экспертов, деятельность которых направлена на внутринаучные процессы и посредников, возникает вопрос: если предположить, что источником института экспертизы и института посредничества становится одно и то же движение, то какой набор способностей и знаний должен быть присущ данным профессионалам? Исторически такая форма интеракции действительно была выработана.

Сама по себе идея эксперта-посредника была в достаточно удачной форме воплощена в гражданском городском движении и носит название “advocate-planner” [Davidoff, 1965]. Контекст, в котором была выработана данная социальная и профессиональная позиция связана с невозможностью рядовых граждан всеобъемлюще оценить масштабы городских изменений, предлагаемых официальными властями или несвоевременность получения данной информации, что приводило к недостаточно быстрой гражданской реакции по их поводу.

Но вопрос остается актуальным: в какой мере эксперт в области науки также может быть экспертом по внешнему взаимодействию. И связано это не только с профессиональными компетенциями, но и отсутствием структуры в предложенном движении. Так или иначе возникает вопрос эффективности: поскольку и область политики, и область экономики предусматривает наличие структурных механизмов, ответственных за взаимодействие с наукой. Возникает вопрос того, в действительности ли движение с довольно адаптивной формой, но сильно размытыми границами ответственности может стать адекватным партнером, несущим ответственность не только перед научным сообществом, но и более широким гражданским обществом? В данном случае категория партнерства вытекает из идеи посредничества и того простого факта, что невозможно нивелировать важность ни государственной, ни экономической области.

Позиции ОНР относительно установления справедливости в управлении и распределении ресурсов, наряду с воплощением научных идеалов не только в пределах научного сообщества, но и общества в целом соответствуют классическим представлениям об университетской корпорации, утратившей с течением времени свой первоначальный вид.

Такого рода организационные инициативы совершенно необходимы для поддержания полноценной работы университетов и других научных и исследовательских центров.

Совет Карнеги по образовательной политике однажды привел любопытную статистику: из 66 институций, существующих с 1530 г. по 1970-е, 62 – университеты [Carnegie..., 1980]. Что, без сомнений, указывает на высокую жизнеспособность университетской организации. Конечно, эта статистика также указывает на то, что на протяжении долгих веков научное сообщество боролось за академическую свободу и возможность самоуправления. Внимание к данным вопросам и обдуманные попытки организации форпостов защиты университетов принципиально важны для улучшения данной оптимистичной статистики.

Список литературы / References

Carnegie..., 1980 – *Carnegie Council on Policy Studies in Higher Education*. San Francisco: Jossey-Bass, 1980. xxi + 439 pp.

Davidoff, 1965 – Davidoff, P. “Advocacy and Pluralism in Planning”, *Journal of the American Institute of Planners*, 1965, vol. 31, iss. 4, pp. 331–338.

Engwall, 2008 – Engwall, L. “The University: a multinational corporation?”, *Wenner-Gren International Series*, 2008, vol. 84. *The University in the Market*, pp. 9–21.

Mannheim, 1935 – Mannheim, K. *Mensch und Gesellschaft im Zeitalter des Umbaus*. Leiden: A. W. Sijthoff, 1935. xviii+ 208 pp.